

«Потом Григорий взял на руки сына. Сухими, испуганно горящими глазами жадно всматриваясь в его лицо, спросил: — Как же вы тут?.. Тетка, Полюшка — живые-здоровые? — По-прежнему не глядя на отца, Мишатка тихо ответил: — Тетка Дуля здоровая, а Полюшка померла осенью... От голодной. А дядя Михаил на службе...»

Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мучал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Горького. О спорах, которые велись там. И которые из тех далеких лет ушли все-таки в творческие замыслы, ушли в оценки и измерения, с которыми и сегодня каждый из нас относится к своей работе, к делам товарищей, друзей. Большие, интересные споры, заражавшие творческой энергией на многие годы...

Вспомнив эти споры, я тут же вспомнил еще и... футбол. Как всякие студенты, мы тоже

чем же дело?.. Но ответ, в общем-то, можно найти в той же статье. «В творчестве лирика Машбаша заметна одна черта, вообще свойственная горской лирике...» Да-да. Действительно. Есть черта, свойственная горской лирике. Сдержанность. Даже исповедуясь в самых глубоких чувствах, мужчина-горец все-таки сдержан:

Когда б я знал,
что ты ушла навек,
Я б даже обменял себя
на ветер,
Чтоб до твоих дотронуться
волос...

Наверное, это качество и человеческой, и поэтической натуры, эта сдержанность — тоже от родной земли. От психологии, морали родного народа. От древних традиций. Заставь он себя в стихах отойти от этого, и появится, наверное, там что-то ему глубоко чуждое, неестественное.

Романов у Исхака Машбаша несколько. И всякий из них опять же как часть большого, нескончаемого душевного творческого спора

Сюжет! Напряженность! Действие да такое, какое и должно быть в самом архисовременном романе. Это — как бы ведущее качество романа «Оплаканных не ждут».

Нет, все-таки прежде всего — тонкость психологического рисунка, абсолютная достоверность, убедительность каждого движения души. Внешняя простота во взаимоотношениях людей, связанных родовыми отношениями и стоящих на различных ступенях социальной лестницы. Это главная особенность романа «Тропы из ночи».

Обжигающе-резкий, драматизм событий, сшибка характеров, судеб, когда страна, народ, герои произведения на этапных поворотах, изломах истории, — это ведущее, лейтмотивное в романах «Метельные годы» и «Сто первый перевал».

Эпически просторное, многоплановое, многомерное повествование; история родного народа на протяжении столетий — это «Бзюкская битва».

И вот эта широта тематики, разноликость героев, многомерность пространства (родные горные края, просторы России, ближневосточные страны, города Европы) и времени (наш день, годы войны, прошлый век в его особенно драматических событиях для адыгского народа) — не есть ли это уже и достигнутое и вместе с тем большой, многолетний, но этап спор, того вечного творческого спора, которым живет душа художника? От книги к книге он, как сам говорит, «поднимался к своей вершине». Не есть ли это все движение к новой, венчающей собою все работы, где самое разное как бы вдруг спрессуется, сольется, выступит единым сплавом?

С художником всегда его молодость. А молодость — это и вера, и недовольство достигнутым. «Потом Григорий взял на руки сына...» — один такой спор в молодости уже на всю жизнь ставит перед мысленным взором все вершины всемирной художественной культуры и обязывает равняться, соизмерять сделанное и делающееся по ним.

...Из Адыгеи, края спокойных, покрытых лесами гор, в ясный день видны льдисто сверкающие вершины Главного Кавказского хребта. Они как бы зовут к себе, будят стремление в дорогу. И художник, если он даже чувствует, что сегодняшний день его жизни — это творческий полдень, то мыслями своими, поисками, трудом он все равно в дороге. Он в вечном споре с тем, что уже есть и что рядом с ним, трудами других создается. Он в споре с самим собой. И этот вечный спор, не прекращающийся в душе его и сознании, и есть не что иное, как творчество. Исхака Машбаша живет им.

Ванцетти ЧУКРЕЕВ

ПОДЪЕМ К ВЕРШИНЕ

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще держало его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.

А что дальше?.. Что?

Ответа — тысячи? И, кажется, вот один из них.

Опять задело душу — как косяк полосуло И опять все, что откуда-то, из тысячелетий, что как наследственность, как одна из двух половин, составляющих существо человека, это неумное «я», оно опять восстало против «мы». И, не желая мириться с Временем, Необходимостью, а значит, и Правдой, пошло всему наперекор. А время, опять же — горячее, опять же — жестокое. Раскулачивание. Коллективизация «Кто — кого». И он последним усилием воли зажав кровоточащие раны души, ушел в горы.

Да, а горы. Он уже не на донских равнинах. Он со всем из других краев. Но он всем духом, всем существом своим тот же, что и Григорий. Ушел И годы, целое десятилетие, был наедине со своим гордым «я». Известно, чем бы кончилось это заткнувшееся, самозаточенное, если бы к родной земле не подступила беда. Подошел враг, смертельно, страшный враг: летом дарок, второго фашистские орды рвались к Кавказу.

Подошла беда. И своими измерениями стала выверять все. Каждую человеческую судьбу с особенной беспощадностью поставила в определенные, строгие ряды. Каждому «я» с особой остротой предоставила возможность соразмерить свои масштабы с тем, что происходило на земле, примериться к тому «мы», которое только всей силой своей могло отбросить беду от родной земли. И именно в это время воочию, с беспощадной определенностью каждое «я», каким бы огромным оно даже и ни было, могло убедиться, как же ничтожно оно само по себе, если отъединено от всеохватного «мы».

И тогда не безмерную гордость свою, не ложные представления о значимости своей сложной жизни. Он, чтобы все-таки выйти к людям, к сородичам, к землякам, помочь им хоть в малом и жизнь свою отдать, делая это малое, но от естества своего отказался. То, из тысячелетий наследуемое, что составляло его неумное «я», он тут сложил наземь, признавая правоту главного в человеческой сущности — верность великому, в каждом из людей живущему «мы».

Какая жизненная сила! Какие боли! Какая невыдуманность душевных метаний! И образ какой гитанический, наследующий весь дух Того, что на донском берегу, взяв сына на руки, испуганно горящими глазами вглядывался в детское лицо, как в самую правду. Какая книга!

Но... не написана эта книга. Да, не написана. Ну, а о чем же тогда разговор?

А разговор — о студенческой молодости. О тех днях, годах, которые свели нас с Исхаком Машбашем под крышей Литературного института имени А. М.

его любили, были ему привержены. В институтской футбольной команде Исхака был нападающим И нападающим, что называется, не по должности — поставили форвардом; так и будь добр исполняй свое! Нет, нападающим по всей своей сути.

Помнится: глаза горят! Пробегая мимо, успел пропаче рукой махнуть тому из своих, который «смазал», — выразил к нему свое отношение. Сам мчит туда, где пока еще пусто, но куда обязательно пошлют мяч. И — точно. Вот там уже свалка И, прорываясь в этой свалке, демонстрируя не хитрость, но напор, быстрые ноги, весь — в упоении азарта, ломится кратчайшим путем на ворота противника.

Е л такой же он нападающий, напористый, отдающийся весь целиком начатому делу и в творчестве.

В исканиях, которыми живет художник, есть всегда элемент спора. Спор, соревнование с тем, что уже создано прежде. Спор, соревнование с товарищами, со всем тем, что создано только что. Спор с самим собою. Максимализм молодости — так в одной из последних своих публицистических работ назвал это качество творческого характера Исхака Машбаша — как бы постоянно присутствует в натуре художника, является стимулятором постоянно идущего творческого соревнования.

В натуре Исхака Машбаша, в его творческих исканиях это глубинное, постоянно развивающееся качество присутствует зримо.

Поэт? Прозаик? Лирик? К эпосу склонный? Многообразие жанров и форм как бы наглядно говорит о борении разных начал в его творчестве, о постоянной неудовлетворенности достигнутым, о беспощадной полемике самого с собой.

О его книгах написано много. Критика особенно внимательна к его стихам. Пожалуй, нет ни одного поэтического сборника, вышедшего или на родине поэта, в Адыгеи, или в Москве и не отмеченного добрым словом в печати. И, может быть, здесь, в этих коротких заметках об Исхаке Машбаше скорее просто как о человеке, вряд ли есть необходимость говорить о всем своеобразии его поэтического почерка. Но о двух штрихах, характерных для его поэзии, а, наверное, и не только для поэзии, хотелось бы сказать.

В оценках критики нет ни да и прощальное определение его как поэта сугубо городского, далекого земле и, употребив здесь русский образ, деревне, село. Может быть, потому и не случайно во многих современных стихах Исхака Машбаша по-мимическому заострено проводится мысль: «Я — крестьянин». Он так пишет, например, в стихотворении «Земля»:

Я столько лет крестьянин,
Я рос в нее
Я поднимаю горсть земли,
Я — человек. Я — пахарь.
Я — поэт.

Здесь, конечно же, не факт автобиографии поэта, родившегося и выросшего в адыгском ауле и по сей день самыми неразрывными узами связанного с ним. Но здесь Исхака Машбаша четкой поэтической формулой говорит о своих истоках, о корнях, питающих его творчество. Говорит о той основе, на которой зиждется его поэтическое мышление, образная система его поэзии и прозы.

Мне вспоминается один, внешне курьезный эпизод в истории нашего многолетнего знакомства. Прочитав однажды новый поэтический сборник Машбаша, при встрече с поэтом стал расхваливать один из стихов этого сборника. Как, мол, ты хорошо сказал об улицах города. Как будто бы горные ущелья, крутые распадки... Исхака посмотрел удивленно и ответил: «Да нет там у меня никаких ущелий и распадков».

Как? Я бросился опять перечитывать стих. Действительно, никаких ущелий и распадков. Но откуда же, они у меня взялись? Я же ясно помню первое свежее ощущение от этого стиха: были там, ущелья, распадки.

Вглядываясь, вчитываясь заново в стих, я все-таки убедился, что тут была не какая-то случайная, беспочвенная ошибка. Стих обманул. Весь его строй, вся его образная система оставили вот такое ощущение. Мне, читателю, передалось незримо спрятанное в стихе видение горца, хотя он и сам об этом подсудном видении, спрятанном в стихе, не подозревал.

У Исхака Машбаша, у его поэзии и прозы мощная корневая система. Родная земля. Где сегодняшнее, новое, современное живет рядом с мудростью откопанных веками традиций. «Древняя земля адыгов» — так называют эти края герои его произведений.

Особенный смысл, полный щемящего чувства, полный обретают эти слова в устах тех адыгов, которые волею судеб еще в прошлых веках покинули эту землю, рассеялись по белому свету. Исхаку помнится одна встреча во время его поездки по странам Ближнего Востока. Состоятельная женщина, жена преуспевающего капиталиста. Кажется, есть все, о чем можно мечтать. И вдруг — слезы. Самые неподдельные, искренние слезы. Она впервые услышала стихи на родном языке. Она даже и не подозревала, что на ее языке где-то существует целая литература.

Исхака Машбаша хорошо понимает, что, ведя поэтический разговор со своими земляками, с теми ста тысячами, для которых на Советском Кавказе этот язык свой, родной, он, как поэт и прозаик, слышим и теми многими тысячами соплеменников, которых века разбросали по земному шару.

Еще об одной особенности его стихов.

Однажды в доброй, душевной статье о его творчестве русская поэтесса вдруг отметила: «Машбаш... почти не пишет стихотворений о любви». Такое, конечно, удивило. О любви, о своем сердце у Исхака, как мне, например, казалось, написано немало. В